

Мета Зубина
(маэстро, музыкант)

23.1.02

Властелин опиума

Новые Известия - 2002 - 23 янв - с. 7.
По приглашению «Триумфа» в Москве три дня гостил Зубин Мета

Мария БАБАЛОВА,
«Новые Известия»

«Россия в контексте мировой культуры» — в честь своего десятилетия премия «Триумф» устраивает очередную «карусель» звезд. Не рождественскую, как то обычно бывало, но гораздо более масштабную: Москву ожидает целый месяц «триумфальных» представлений.

Марафон стартовал в Большом зале Консерватории. При продюсерских усилиях молодого, а потому амбициозного, полного честолюбивых планов артистического агентства «Краутерконцерт» единственный концерт дал Израильский филармонический оркестр вместе со своим художественным руководителем — харизматическим индусом Зубином Метой, музыкантом, принадлежащим к когорте лучших дирижеров нашего времени. Солировал знаменитый российский пианист Михаил Плетнев. Вечер же получился чисто венским. Звучали увертюры Шуберта «Розамунда» из музыки к одноименной пьесе фон Чези, Пятый концерт Бетховена для фортепиано с оркестром и Первая симфония Малера. Переплетение всевозможных культурологических контекстов было более чем очевидно, а имена исполнителей обещали успех не меньше триумфального.

Интригующий дебют тандема пианиста и дирижера в «Императорском» фортепианном концерте Бетховена оказался просто иллюстрацией пушкинской цитаты: «Они сошлись: волна и камень, стихи и проза, лед и пламень». Михаил Плетнев, несмотря на всю торжественность музыки, был аскетично строг и сдержан в интерпретации, что, правда, не уберело его от неточностей в воспроизведении нотного текста. Накануне выступления Михаил Плетнев при-

знался, что уже никак не меньше двадцати пяти лет играет этот концерт, что, видно, и есть объяснение формальной обыденности в его исполнении. Зубин Мета же, наоборот, был подобающе параден и эмоционально щедр. А финалом исполнения стала десятиминутная овация зала, прежде всего адресованная Михаилу Плетневу. Так что искомый триумф был все-таки достигнут.

Портрет безответно влюбленного Малера в его Первой симфонии «Титан» у Зубина Меты и Израильского филармонического оркестра получился скорее романтическим и возвышенным, нежели мрачно экспрессивным. Чарующе звучали скрипки и только духовые портили стройность оркестровых рядов, а маэстро колдовал над оркестром мелкими, пластичными движениями, будто занят таинством приготовления любовного зелья.

А «на бис» Чайковский — Вальс из первого акта «Лебединого озера» и Полка Иоганна Штрауса «Триктрак», и почти ни одной улыбки Маэстро для восторженной публики. Вообще все дни, что Зубин Мета провел в Москве, он и не стремился быть обаятельным. Даже наоборот, то и дело примерял маску фатальной усталости и непроницаемой недоступности, будто оправдывая свое имя, означающее в переводе «властелин Меча». Так что получить интервью у знаменитости оказалось задачей не из простых. И все же для «Новых Известий» Маэстро уделил несколько минут.

— В каком городе мира вам нравится выступать больше всего?

— Во Флоренции. Мне кажется, этот город просто создан для музыки, и я счастлив тем, что уже не первый год каждое лето имею возможность там выступать. Еще, безусловно, мне по душе Берлин. И Вена, го-

род, где я родился как музыкант и уже выступаю там более сорока лет.

— А когда вы были ребенком, с чем у вас ассоциировалась Россия?

— Мне Россия казалась каким-то заколдованным местом. Но потом выяснилось, что Россия совсем не страшная страна. Меня всегда здесь очень хорошо принимали. Даже в начале 60-х годов, когда я вообще не был таким знаменитым дирижером, как сейчас. Тогда в Москве мне подарили маленькую палехскую шкатулочку, которую я до сих пор храню. И искренне жалею о том, что интервалы между моими русскими гастролями слишком велики. Но, надеюсь, я еще не однажды смогу приехать в Россию.

— Вы как-то признались, что хотели бы выучить русский язык. Вам удалось реализовать это желание?

— Я действительно очень хотел научиться говорить по-русски, так как в Израильском филармоническом оркестре играют более полусотни музыкантов — выходцев из Советского Союза, и это бы заметно упростило мое общение с ними. Все семь языков, что я знаю, я выучил еще в молодости на практике, в общении с музыкантами других стран. Но выучить русский оказалось гораздо труднее, чем я думал, и я решил оставить эту затею. И мой русский — это всего лишь два десятка слов.

— Вы с таким же священным трепетом относитесь к своей дирижерской палочке, как и большинство ваших коллег?

— У меня вообще нет ни одной своей палочки. Ее мне дают прямо перед выходом на сцену. Это просто кусочек дерева. Я предпочитаю дирижировать налегке. У меня нет даже талисмана. Вообще я не склонен к фетишизму.

— Наследником какой дирижерской школы вы себя считаете?

— Артуро Тосканини и Вильгельма Фуртвенглера. Я выбрал себе среднюю дорогу между ними. Эти дирижеры сделали невероятно много для первой половины XX столетия собственноручно в интерпретации классики.

— Вы не жалеете, что никто из ваших детей не пошел по вашему пути?

— Нет. Я никогда не посягал на их свободу. Они вольны делать то, что захотят. Например, играть дома рок. Мой сын актер, дочь — домохозяйка, и благодаря именно ее усилиям я уже дважды дедушка.

— Есть разница в ваших музыкальных предпочтениях как дирижера и как человека?

— Когда отдыхаю, я никогда не слушаю музыку. Любое прослушивание для меня означает профессиональный анализ, то есть опять работу. Поэтому музыка на отдыхе — это табу. А как дирижер я люблю самый разнообразный репертуар. Единственное, я очень критично отношусь к творчеству современных композиторов. Последний для меня композитор — это Шнитке.

— Вы по-прежнему, несмотря на многочисленные бурные процессы, считаете, что Вагнер, бывший символом Третьего рейха, должен звучать в Израиле?

— Я чувствую, что сейчас этого не стоит делать снова, просто невозможно, потому что в Израиле живет очень много людей, имеющих татуировку с лагерным номером. И эти люди чувствуют себя оскорбленными, когда исполняется музыка Вагнера. Но, естественно, в Израиле нет никакого закона, запрещающего играть музыку Вагнера. Израиль демократическое государство, и никто не диктует оркестру, что ему играть, а что нет. В 1981 году я, как и мой коллега Даниэль Баренбойм в прошлом году, исполнил музыку Вагнера не в рамках основной программы концерта,

Индус, сын Израиля.

а на «бис», предупредив об этом публику заранее. Но обе эти попытки потерпели фиаско. Мне кажется, надо набраться терпения и просто дожидаться смены поколения.

— В таком именитом оркестре, как Израильский филармонический, какой, на ваш взгляд, должна быть пропорция между традицией и новаторством?

— Создание оркестра — это очень долгий процесс. В первую очередь необходимо иметь хорошую школу для подготовки музыкантов. Плюс талант, конечно. После чего необходимо дать возможность для практики молодежи. К тому же художественный руководитель оркестра должен четко понимать, в каком направлении он хочет развивать свой коллектив, прекрасно зная все существующие музыкальные стили, и уметь музыкантов не только учить играть в этих стилях, но и вдохновлять их на

это. Ведь мы играем музыку, которая написана с интервалом почти в четыре столетия. За это время музыкальный стиль в Европе менялся приблизительно со скоростью раз в полвека.

— Как сильно нынешняя ситуация инфляций отражается на музыкальной жизни Израиля?

— Я пережил в Израиле не один серьезный кризис. Я индус по происхождению, но меня будто усыновил Израиль. И я понял, что этот народ даже в самые трудные времена не может жить без музыки, которая для него — своеобразный духовный опиум.

— Почему, на ваш взгляд, ныне очень многие музыканты стремятся попробовать свои силы на дирижерском подиуме?

— Я давно пришел к выводу, что дирижер — самая мистическая профессия в музыке. И я счастлив, что не слишком много времени в жизни потерял на другие занятия.